

ШЛЕМЫ С МАСКАМИ ИЗ СОБРАНИЯ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ: ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

© 2023
УДК 739:623.445.2
ББК 85.126.9
Поступила в редакцию 06.03.2023

В постоянной экспозиции Оружейной палаты Московского Кремля представлены два необычных шлема с металлическими антропоморфными масками-забраками¹ [ил. 1–6]. Эти экспонаты принято относить к числу позднесредневековых боевых масок исламского Востока. Прямые аналогии подобных антропоморфных забрал немногочисленны. Помимо археологических находок ранних шлемов с масками XII–XIII вв., которые исследователи связывали как с половцами, так и с тюркскими кочевниками-каракалпаками, известно всего несколько схожих памятников более позднего периода. Во всех случаях речь идет именно об отдельных масках, не закрепленных на шлемах. Их атрибуции остаются гипотетическими и спорными, а происхождение и подлинность подобных предметов, особенно находящихся в частных коллекциях и опубликованных лишь в конце XX столетия, вызывают обоснованные сомнения у исследователей.

В собрании Нассера Халили хранится иранская стальная маска, датированная XV в.² Ее можно считать близким аналогом одного из шлемов из Музеев Московского Кремля по гравированному растительному орнаменту и выступающей налобной пластине в форме полумесяца. Маска из собрания Нассера Халили получала самые различные атрибуции. В конце XX в. ее связывали с Тимуридами [Lentz, Lowry, 1989. P. 240, cat. no. 134.]. В 1992 г. Дэвид Александер предположил, что она создана в Иране в XV столетии [Alexander, 1992. P. 66–67, cat. no. 25]. А в начале XXI столетия регион происхождения этого памятника также пытались определить как Кавказ [Rogers, 2000. P. 141, cat. no. 83]. В публикации самого Нассера Халили утверждается, что «боевые маски использовались

османами в Турции и туркоманскими воинами в западном Иране» [Khalili, 2008. P. 36].

Еще одна маска со схожим полумесяцем, трактовкой усов и рта, гравированным орнаментом с флоральными мотивами находится в музее Исламского искусства в Дохе (Катар). Эта маска, приобретенная во второй половине 1990-х гг. на аукционе Christie's шейхом Саудом бин Мухаммадом ат-Тани, датирована XV в. и была опубликована как происходящая из Западного Ирана или Восточной Анатолии [Allan, 2002. P. 48–49, cat. no. 11; Turks, 2005. P. 208–209, 415, cat. no. 154].

Также известна литая маска из медного сплава, как считается, созданная в Иране или Крымском ханстве в XVI столетии³. Стилистически она сильно отличается от перечисленных выше масок и не имеет явных аналогий. Наконец, еще одна маска находится в частном польском собрании Мирослава Томалака [Arcydziela sztuki perskiej ze zbiorow polskich, 2002. S. 105]. В статье Ю.А. Кулешова, С.П. Орленко и М.А. Анисимовой со ссылкой на М.В. Горелика указывается, что этот предмет, возможно, является подделкой [Кулешов, Орленко, Анисимова, 2018. С. 215].

Шлемы с масками из собрания Музеев Московского Кремля являются единственными памятниками такого рода, история которых прослеживается, по крайней мере, с начала XIX в. В то же время, как показывают исследования А.Н. Чубинского и С.П. Орленко, попытки отождествить их с упоминаниями в Переписной книге 1686/1687 г. и позднейшими описями XVIII столетия носят предположительный характер. Это связано с противоречивостью описаний и проблемами интерпретации исторических терминов [Чубинский, 2016. С. 354; Кулешов, Орленко, Анисимова, 2018. С. 216–217]. Неизвестным остается и источник поступления этих уникальных произведений оружейного искусства. К началу XIX в. маски, видимо, существовали отдельно от шлемов, причем на протяжении этого столетия в различных изданиях и описях их количество неоднократно менялось по неведомым причинам. По крайней мере, не позднее 1844 г. одна из масок уже была закреплена на шлеме и в таком виде опубликована А.Ф. Вельтманом в путеводителе «Московская Оружейная палата» [Вельтман, 1844. С. 99]. В Описи Московской Оружейной палаты 1884–1893 гг. шлемы с масками были обозначены как «монгольские XVI века» [Опись Московской Оружейной палаты, 1884. С. 17–18]. В свою очередь, Э. Ленц атрибутировал один из шлемов как монгольский и созданный в XV в. [Lenz, 1924. S. 12].

1 Музеи Московского Кремля, инв. № ОР–2055, ОР–2056.

2 Собрание Нассера Халили, Лондон, инв. № MTW 1390.

3 Собрание фонда «Фурсийя», Вадуц, инв. № R-747.



ил. 1. Шлем с маской. Иран (?), XVI в. Сталь; ковка, гравировка, золочение.
Музеи Московского Кремля

fig. 1. Helmet with face mask. Iran (?), 16th century. Steel; forging, engraving, gilding.
Moscow Kremlin Museums

ил. 2. Шлем с маской. Вид сбоку

fig. 2. Helmet with face mask. Side view

В середине XX столетия крупнейший отечественный историк оружия А.Н. Кирпичников, говоря об археологических находках, счел шлемы с масками «специфически кочевническими». Связывая их с половцами, он писал, что «шлемы с личиной являются самым поздним вариантом развития кочевнического шишака». Далее исследователь отметил, не приводя никаких дополнительных доводов, что «позднее шлемы с маской унаследует монгольское войско» и «несколько таких наголовий XV в. хранится в собрании Оружейной палаты» [Кирпичников, 1958. С. 61].

В 1960-х гг. новую атрибуцию шлемов с масками предложила Н.В. Пятышева, заявившая об их происхождении из державы Великих Моголов и датировавшая их XVI–XVII вв. [Пятышева, 1968. С. 227–232]. Для этого она обратилась к описям Оружейной палаты, придя к неожиданному заключению о том, что «музейный работник XVIII в., по-видимому, искажил слово в описи» и «если мы пропустим букву „н“ в слове „монгольский“, то получится „могольский“». Выводы Н.В. Пятышевой о «железных индийских масках, купленных Оружейной палатой», сформулированные в довольно категоричной форме,



ил. 3. Шлем с маской. Маска

fig. 3. Helmet with face mask. Detail: mask

не выдерживают критики. Если отсылки к «орнаментальным мотивам миниатюр времени расцвета Могольской школы середины XVI – XVII в.» заслуживают исследовательского анализа, то довольно спорная история об ошибке в описи, не учитывающая специфики орфографии XVIII в., или утверждение о «паразитном» сходстве наверхия шлема с куполом Тадж-Махала, вряд ли могут считаться серьезными аргументами для атрибуции. Не менее смелым является утверждение о том, что в «индо-мусульманском мире эти шлемы с масками отнюдь не были „боевыми наголовьями“, в качестве которых они абсолютно не годятся», а «железные половецкие маски» являлись «ритуальным атрибутом культовой пантомимы». Подтверждение этому Н.В. Пятышева увидела в мимических представлениях у населения горного аула Кубачи в Дагестане,



ил. 4. Шлем с маской. Иран (?), XVI в. Сталь; ковка, гравировка, золочение.
Музеи Московского Кремля

fig. 4. Helmet with face mask. Iran (?), 16th century. Steel; engraving, forging, gilding.
Moscow Kremlin Museums

ил. 5. Шлем с маской. Вид сбоку

fig. 5. Helmet with face mask. Side view

где персонаж с железной маской олицетворял иранского шаха. Она также отмечала, что маски дают «представление об определенном этническом, отнюдь не монгольском, а тюркском типе, в котором чувствуется по изображению удлиненных к вискам глазниц известная примесь монголоидности, характерная черта для среднеазиатских тюрков в XIV–XVI вв.».

В 1971 г. А.Н. Кирпичников отказался от своей прежней версии, утверждая, что «по-видимому, передневносточными (?) являются шлемы с масками, закрывавшими все лицо» и «такие изделия носили черные клобуки (то есть тюркский племенной союз Поросья. – Ф.П.)». Он также сузил датировку подобных шлемов с XII–XIII вв. до первой половины XIII столетия. По мнению историка, боевое, а не погребальное или культовое назначение пришлемных масок несомненно, а «портретность масок объясняется, по-видимому, целями опознания командира в сражении», «помимо защитных свойств маски, возможно, наделялись свойствами апотропея и в бою действовали устрашающе». Больше не упоминая о монголах, он несколько туманно замечал, что «позднее шлемы с личинами привьются в ряде европейских и азиатских стран» и «несколько



ил. 6. Шлем с маской. Маска

fig. 6. Helmet with face mask. Detail: mask

таких изделий XV или XVI в. с арабскими надписями хранится в собрании Оружейной палаты», при этом ссылаясь в сноске на статью Н.В. Пятышевой [Кирпичников, 1971]. Стоит отметить, что А.Н. Кирпичников и в 1958, и в 1971 г. повторял тезис о том, что маски воспроизводят облик «горбоносого усатого человека европеоидного облика».

В публикации 1983 г. М.В. Горелик обратил внимание на то, что навершие второго шлема, не привлечшее внимание Н.В. Пятышевой, характерно для восточных шлемов второй половины XV – первой половины XVI в., и определил крайне обширный ареал их возможного создания, от западного Ирана до мамлюкского государства [Горелик, 1983. С. 264–266].

В издании «Государева Оружейная палата» И.А. Комаров при описании шлемов с масками впервые привел обзор истории их изучения и высказал мнение о одновременности наивысших шлемов. Он пришел к заключению, что «с учетом известных археологических памятников можно предположить, что изготовление подобных боевых наголовий связано с не совсем понятной нам воинской традицией, существовавшей на протяжении нескольких столетий (по крайней мере в XII–XVII вв.) на обширной территории от причерноморских степей до стран Ближнего Востока» [Государева Оружейная палата, 2002. С. 310–311].

Один из ведущих современных исследователей исламского вооружения Дэвид Александер упомянул шлемы из собрания Музеев Московского Кремля в статье о боевых масках из выставочного каталога 2002 г. [Alexander, 2002. P. 100–101]. Он помещает их в одну группу с масками из Катара и собрания Нассера Халили, основываясь на форме и декоре. Как считает исследователь, «четыре маски, несомненно, происходят из одного региона, если не из одной и той же мастерской, но время их создания может варьироваться в пределах между XV и серединой XVI веков». По мнению Дэвида Александера, «московские памятники особенно интересны, прежде всего потому, что они сохранили оригинальные шлемы, но также из-за их флорального орнамента, где можно видеть гвоздики, подобные тем, что часто встречаются в османском искусстве XVI века» [Ibid. P. 101]. На текст исследователя опирался в 2008 г. Башир Мухаммед в каталожном описании для маски из коллекции фонда «Фурусийя». Он пытается атрибутировать этот крайне спорный памятник как созданный в Иране или Крымском ханстве, вскользь упоминая, что маску могли изготовить «для татарского всадника, как маски из Оружейной палаты Кремля» [The Arts of the Muslim Knight, 2008. P. 336]. Никаких ссылок и обоснований для подобного утверждения автор не привел.

В 2015 г. появилась монография Дэвида Александера «Исламское оружие и доспехи в собрании музея Метрополитен». Среди прочих памятников оружейного искусства автор рассматривает шлем со следами примитивного орнамента со стилизованными тюльпанами, гравированного на стальном черепе⁴. Он датирует стальную основу шлема XVII в. и считает ее созданной в Турции. При этом серебряные и золотые накладки на шлеме атрибутированы как изготовленные в Крымском ханстве в XVIII столетии [Alexander, 2015. P. 111–112, cat. no. 40]. Исследователь называет орнамент с тюльпанами на шлеме «типично османским и, вероятно, относящимся к XVII веку» [Ibid. P. 112]. Далее следует неожиданное замечание о том, что «сочетание татарского

и османского стилей также встречается на шлеме и боевой маске шестнадцатого века, находящихся сейчас в коллекции Оружейной палаты Кремля в Москве» [Ibid. P. 112]. При этом он ссылается на издание «Государева Оружейная палата», где подобные выводы отсутствуют. Свои слова Дэвид Александер также подтверждает тем, что, по его мнению, «нижний декоративный пояс на шлеме (из Музеев Московского Кремля – Ф.П.) изображает тюльпаны и гвоздики, а венчающая его луковица схожа с той, что можно видеть на шлеме из музея (Музея Метрополитен. – Ф.П.)» [Ibid. P. 112].

Шлемам с масками из собрания Оружейной палаты посвящена статья Ю.А. Кулешова, С.П. Орленко и М.А. Анисимовой [Кулешов, Орленко, Анисимова, 2018]. Она содержит подробнейший анализ конструктивных и технологических особенностей шлемов с масками, что является ценным вкладом в историю изучения этих редких произведений оружейного и декоративно-прикладного искусства. В статье подробно анализируются данные описей, высказывается гипотеза о том, что маска на шлеме, находящемся сейчас в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи⁵, создана в Оружейной палате в XVII в. и является подражанием двум аутентичным маскам из кремлевского собрания⁶.

Вместе с тем, авторы уделили сравнительно мало внимания анализу возможных аналогий и декора шлемов с масками. Хотя в начале статьи перечислены четыре маски-забрала из других музейных собраний и частных коллекций, авторы не сопоставили их с двумя масками из собрания Оружейной палаты – видимо, в силу отсутствия подтвержденной атрибуции для этих памятников. Об одном из шлемов⁷ сказано, что он увенчан наивысшим «в форме цветочного бутона», вся поверхность шлема «богато орнаментирована», «сам орнамент разбит на три горизонтальных композиции», а «вдоль вертикальных кончиков усов, на обоих щеках прочеканено по одной каннелюре, имитирующей шрамирование» [Там же. С. 218–219, 221]. Упомянуто, что «средняя композиция выполнена в технике гравировки и представляет собой чередование растущих снизу вверх и сверху вниз лилий, внутреннее пространство которых заполнено разнообразным орнаментом» [Там же. С. 219]. При этом авторы не предлагают подробного анализа «растительного орнамента из цветов» на других частях шлема и маски. О втором шлеме с маской⁸ сказано, что поверхность богато декорирована, сам

4 Музей Метрополитен, Нью-Йорк, инв. № 36.25.115.

5 Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Санкт-Петербург, инв. № 0138/50.

6 Музеи Московского Кремля, инв. № ОР–2055, ОР–2056.

7 Музеи Московского Кремля, инв. № ОР–2056.

8 Музеи Московского Кремля, инв. № ОР–2055.

орнамент и его компоновка практически аналогичны орнаменту на первом шлеме с маской. Однако «спиралевидный орнамент здесь обособлен и отделен... узкой лентой с волнистым нижним краем». Также спорными представляются термины «позднеисламский» и «позднемусульманский». Они используются в статье как применительно к самим предметам («позднеисламские забрала»), так и к некому этапу в истории искусства («позднемусульманское искусство»). При этом в тексте не определяются хронологические рамки названного периода.

Обзор существующей историографии показывает разнообразие подходов к атрибуции шлемов с масками из собрания Музеев Московского Кремля и отсутствие консенсуса по поводу их происхождения и датировки. При этом авторы исследований, как правило, упоминают отдельные стилистические особенности декора шлемов с масками, однако не предлагают их комплексного анализа. В настоящей статье я хотел бы уделить больше внимания орнаментальным мотивам и стилистическим чертам декора шлемов, обращаясь к более широкому кругу аналогий. Также впервые в рамках одной статьи будут рассмотрены иконографические источники, ранее упоминавшиеся по отдельности в различных публикациях.

Количество иконографических источников, связанных с боевыми масками в исламском мире, сравнительно невелико и ограничивается рядом миниатюр XIII–XIV вв. Наиболее ранним является рисунок из сельджукской рукописи «Варга и Гюльшах»⁹, датированной 1225–1250 гг. и, вероятно, выполненной в Анатолии. На миниатюре художника Абд аль-Мумина аль-Хойи аль-Наккаша показан поединок двух всадников, героя Варги и Раби ибн Аднана. Голова Раби закрыта шлемом с элементом защиты лица, который трактуется рядом исследователей как боевая маска. Согласно Дэвиду Александеру, «автор миниатюр, несомненно, воспроизвел тип маски, которая использовалась в этом регионе в его эпоху» [Alexander, 2002. P.100]. Башир Мохаммед считает, что на маске выделяются «усы, закручивающиеся по сторонам лица, с устремленными вверх концами». По его мнению, схожим образом изображены усы «на масках XIII или XIV вв. из Волжской Булгарии, сделанных в Золотой Орде» и на масках XV столетия из частных коллекций [The Arts of the Muslim Knight, 2008. P. 336].

На иранской миниатюре из «Шах-Наме», выполненной около 1370 г.¹⁰, два героя в центре композиции, как и всадники в первых рядах войска, носят открытые шлемы. При этом основная масса конных воинов представлена с темными лицами, что трактуется рядом исследователей как стилизованное

изображение боевых масок. Подобную интерпретацию подтверждает тот факт, что руки воинов в масках – телесного, а не темного оттенка. И Дэвид Александер, и Башир Мохаммед полагают, что маски были выполнены серебряной краской, которая со временем патинировала и потемнела, что и объясняет их цвет на миниатюре в настоящее время [Alexander, 2002. P. 100; The Arts of the Muslim Knight, 2008. P. 336]. Маски очевидно антропоморфны, с носом, глазами и ртом, обозначенными несколькими линиями. Еще одна известная иранская миниатюра XIV в., периода Хулагуидов, изображает воина-монгола, который ухаживает за боевым конем¹¹. В левой части миниатюры показано его снаряжение – лук в налуче, колчан со стрелами, седло, верхняя одежда и шлем. Шлем с коротким плюмажем из конского волоса и характерными для монгольского вооружения наушами из двух дисковидных пластин снабжен маской. Можно также упомянуть миниатюру из тебризской рукописи, на которой герой Гаршасп, возможно, изображен в шлеме с маской-забралом – его лицо обозначено той же золотой краской, что и шлем, в отличие от рук¹².

Отечественный оружейвед М.В. Горелик изобразил шлем с боевой маской, напоминающий шлемы с масками из Оружейной палаты, в своей живописной реконструкции доспеха беклярибека Тимура Тамерлана. При этом он утверждает, что его рисунок выполнен «по тебризским миниатюрам, около 1370 г., из альбомов султана Мехмеда Фатиха в библиотеке Топкапы-сарая, по багдадской миниатюре Джунaida Султани к рукописи 1396 г. поэм Хваджу Кирмани в Британском музее» [Горелик, 2002. С. 47]. Вероятно, имеются в виду рукописи из Музея Топкапы¹³ и Британской библиотеки¹⁴. Но, поскольку публикация М.В. Горелика в принципе не имеет ссылочного аппарата, а упоминания рукописей не включают их инвентарные номера и указания на конкретные миниатюры, проверить корректность предложенной им реконструкции представляется затруднительным. В свою очередь, Ю.А. Кулешов в публикациях ссылается на изображения из двух рукописей¹⁵, а также миниатюру из собрания библиотеки Честера Битти (Дублин, Ирландия) как свидетельства использования антропоморфных забрал с цилиндро-полусферическими шлемами [Кулешов, 2018. С. 183–201].

Немногочисленность сохранившихся изображений, их стилистические различия затрудняют использование подобных источников при атрибуции шлемов

9 Музей Топкапы, Стамбул, инв. № Ms. Hazine 841.

10 Музей Топкапы, Стамбул, инв. № H 2153, fol. 52b–53a.

11 Музей Метрополитен, Нью-Йорк, инв. № 69.748.

12 Музей Топкапы, Стамбул, инв. № H. 674.

13 Музей Топкапы, Стамбул, инв. № Hazine 2153.

14 Британская библиотека, Лондон, инв. № Add MS 18113.

15 Музей Топкапы, Стамбул, инв. № Hazine 841; Музей Метрополитен, Нью-Йорк, инв. № 69.748.

с масками. Очевидны и трудности интерпретации и соотнесения стилизованных изображений с конкретными памятниками оружейного искусства. Тем не менее, сам факт существования подобных миниатюр подтверждает возможность использования шлемов с масками на территории Анатолии и Ирана в XIII–XV вв. Наиболее интересной является миниатюра из рукописи из Музея Топкапы¹⁶ – и как более ранняя, созданная в период до монгольского завоевания, и в силу того, что только на ней присутствует маска с деталью, которую можно трактовать как изображение усов.

Типологически у шлемов с масками из собрания Оружейной палаты нет прямых аналогий, помимо перечисленных ранее масок со спорной атрибуцией и неизвестным происхождением. В то же время, при анализе восточного защитного вооружения в музейных собраниях и частных коллекциях мира можно выделить обширную группу памятников, которые датируются в пределах XV–XVI вв. и украшены гравированным орнаментом с флоральными мотивами и надписями на арабском языке. Стоит отметить, что арабские надписи на турецких и иранских доспехах XVI столетия зачастую представляют собой не фразы, а отдельные буквы или части слов. Их могли копировать мастера, не обученные грамоте, но знавшие, что арабские буквы обладают священным смыслом, или же эти символы имели самостоятельное значение, подобно буквам, открывающим ряд коранических стихов [Alexander, 1992. P. 66; The Arts of the Muslim Knight, 2008. P. 305]. Интересующая меня группа памятников включает в себя как предметы с достаточно простой гравировкой, так и произведения оружейников более тонкой работы с изящными, выверенными, уверенно гравированными орнаментальными композициями. Как правило, речь идет о шлемах, шанфронах (защите головы боевого коня), элементах защиты рук и ног.

Некоторые из этих памятников связываются с туркоманами (этноним, которым обозначались исповедовавшие ислам тюркские племена огузов). Следует упомянуть две значимые конфедерации огузских кочевых племен Позднего Средневековья. Кара-Коюнлу во главе с шиитской туркоманской династией существовала в XIV–XV столетиях в Передней Азии, на территории современных Азербайджана, Армении, Ирака, северо-западного Ирана и восточной Турции. Территорию восточной Анатолии и западного Ирана до завоевания Сефевидами в 1501–1503 гг. контролировала туркоманская племенная конфедерация Ак-Коюнлу во главе с племенем баяндур. В ходе завоеваний XV в. часть туркоманов стала подданными османских султанов, а сам термин «туркоман» был постепенно вытеснен в Анатолии термином «османлы»,

османлы. Приход к власти династии Сефевидов также был связан с воинами-туркоманами, исповедовавшими шиизм. Именно турки-кочевники составили основу племенного объединения, известного как кызылбаши (от тюркского «красноголовые», из-за цвета их головных уборов). Кызылбаши, получавшие земельные владения за свою службу шаху, составляли значительную часть его войска и обладали большим влиянием. Телохранители шаха, курчи, также набирались из числа кызылбашей. Отмечу, что «туркоманским» в ряде случаев может быть назван турецко-иранский стиль, для которого характерен гравированный орнамент с арабесками, стилизованными в виде узелков из переплетающихся линий с геометрическими завершениями и флоральными мотивами [Alexander, 2015. P. 122–123, cat. no. 44].

На шанфроне из собрания фонда «Фурусийя»¹⁷ сохранилась надпись, упоминающая «султана Юсуфа» – вероятно, туркоманского правителя Абу-Насра Кара Юсуфа, правившего в восточной Анатолии, Ираке и северо-западном Иране между 1388 и 1419 гг. Башир Мухаммед датирует памятник временем правления Кара Юсуфа и считает, что он происходит из восточной Анатолии или Ирана [The Arts of the Muslim Knight, 2008. P. 340, cat. no. 326]. На предмете также сохранились тамга османского арсенала. Шанфроны такого типа были распространены на достаточно обширном пространстве и могут быть связаны в том числе с традициями Ак-Коюнлу (в частности, подобный шанфрон был выполнен для бая Ак-Коюнлу Джахангира (1444–1451/1452)). Шанфрон сделан из стали и украшен гравировкой с картушами, содержащими флоральные мотивы и надписи на арабском языке. В собрании фонда «Фурусийя» находится схожий шанфрон¹⁸, также с клеймом османского арсенала, однако он датирован XVI в. и, как считается, происходит из Ирана или Анатолии [The Arts of the Muslim Knight, 2008. P. 341, cat. no. 327]. Еще один шанфрон схожей формы и с тамгой османского арсенала¹⁹, однако полностью покрытый флоральным орнаментом без надписей, атрибутирован как сделанный в Анатолии или Иране в XV–XVI вв. [The Arts of the Muslim Knight, 2008. P. 342, cat. no. 328].

Выполненный из стали конский шанфрон другого типа²⁰ украшен флоральным орнаментом и надписями арабской вязью в верхней части и в центральном картуше. Текст надписи прославляет султана Селима I, в том числе упоминая титул хранителя двух святынь, который правитель Османской империи использовал с 1517 г. Соответственно, предполагается, что шанфрон изготовлен

16 Музей Топкапы, Стамбул, инв. № Hazine 84.

17 Собрание фонда «Фурусийя», Вадуц, инв. № R-157.

18 Собрание фонда «Фурусийя», Вадуц, инв. № R-159.

19 Собрание фонда «Фурусийя», Вадуц, инв. № R-158.

20 Собрание фонда «Фурусийя», Вадуц, инв. № R-977.

в Турции в 1517–1520 гг. Башир Мухаммед отмечает, что в музее Аскери (Стамбул) сохранилась группа схожих шанфронов с именами Селима I и Сулеймана I, при этом наиболее ранние шанфроны такого типа имеют мамлюкское происхождение [The Arts of the Muslim Knight, 2008. P. 339, cat. no. 325].

Список подобных памятников можно дополнить турецким бутурлыком (защитой ноги) XVI в. из собрания фонда «Фурусийя»²¹, шанфраонами конца XV – начала XVI в. из собрания Нассера Халили²², которые связываются с Османской империей, Анатолией и Ираном, а также кольчато-пластинчатый доспехом XV–XVI вв. с гравированным флоральным орнаментом, вероятно, имеющим турецкое происхождение²³, и турецкой доспешной пластиной XVI в.²⁴

Навершие одного из шлемов с масками из собрания Оружейной палаты обнаруживает аналогии с навершиями целого ряда тюрбанных шлемов²⁵. Речь идет о характерном элементе с четырьмя ромбовидными сечениями и выступающей над ним верхней частью навершия. На него обращал внимание и М.В. Горелик, который, однако, связывал эти памятники с гораздо более широким географическим ареалом и заказчиками из степей Северного Причерноморья. Безусловно, купол шлема из Оружейной палаты не имеет ничего общего с тюрбанными шлемами – что не отменяет очевидного сходства между навершиями шлемов разного типа. Перечисленные памятники датируются последней четвертью XV – XVI в. и связываются исследователями с территориями Анатолии или Ирана, в том числе с племенной конфедерацией Ак-Коюнлу. Один из шлемов²⁶, судя по владельческой надписи, принадлежал Якубу, султану Ак-Коюнлу (1478–1490).

Отмечу, что на упомянутом шлеме из собрания Оружейной палаты нет отверстий на ромбовидных гранях, в отличие от аналогов на тюрбанных шлемах. Однако отверстия присутствуют на навершии первого шлема из кремлевского собрания. Оно выполнено не в виде стандартного элемента с ромбовидными гранями, а стилизовано под цветочный бутон с резными лепестками. Навершия в форме условного бутона, хотя и не столь детализированного, можно встретить,

например, на иранском шлеме, предположительно созданном в XV в.²⁷, или турецком шлеме 1588–1589 гг.²⁸ [Alexander, 2015. P. 68, cat. no. 21; p. 101, cat. no. 35].

Геометрические композиции на щеках масок из собрания Оружейной палаты отсылают, хотя и в крайне упрощенной версии, к декоративному элементу в виде переплетенных узлов из четырех цветков и четырех листьев. Он восходит к миниатюрам XV столетия из рукописей султанского скриптория, наккашхане, и также встречается на изникской керамике XVI–XVII вв.²⁹ [Alexander, 2015. P. 131]. Примером его использования в декоре защитного вооружения является конский шанфрон первой половины XVI в.³⁰, атрибутированный как турецкий, в том числе на основе анализа орнамента.

На обоих шлемах средний поясok заполнен чередующимися картушами со стилизованными стеблями, которые завершаются трехлепестковыми цветками лилий. Схожие элементы, характерные как для турецкого, так и в целом для исламского искусства, присутствуют и на подбородке маски³¹. Если говорить о произведениях оружейников, то следует упомянуть гравировку на нижних поясах на двух конических шлемов. Один находится в собрании Музея Метрополитен³², второй – в собрании Музея Армии в Париже³³. Оба шлема датированы около 1580 г. и считаются выполненными в Турции [Alexander, 2015. Cat. no. 34; Soliman le Magnifique, 1990. Cat. no. 76].

Флоральный орнамент в нижнем пояске шлемов включает изображения гвоздик, тюльпанов и гиацинтов. Мотив в виде длинного стебля гиацинта с расходящимися в стороны парами цветков на всем его протяжении, как считается, характерен для турецкого искусства середины XVI в. [Alexander, 2015. P. 100]. Типологически схожий, но выполненный на несравнимо более высоком уровне орнамент с таким мотивом гравирован на упоминавшемся выше турецком шлеме из собрания Музея Армии в Париже.

Очевидно, что флоральный орнамент на шлемах из Оружейной палаты достаточно примитивен и несопоставим по уровню художественного и технического исполнения с перечисленными выше памятниками. Ближайшей

21 Собрание фонда «Фурусийя», Вадуц, инв. № R-140.

22 Собрание Нассера Халили, Лондон, инв. № MTW 778, MTW 896, MTW 928, MTW 1352.

23 Собрание Нассера Халили, Лондон, инв. № MTW 784.

24 Собрание Нассера Халили, Лондон, инв. № MTW 1043.

25 Собрание Нассера Халили, Лондон, инв. № MTW 773, MTW 1127; Музей Метрополитен, Нью-Йорк, инв. № 04.3.210, 04.3.211, 04.3.212, 04.3.215, 04.3.457, 04.3.460, 04.3.461, 36.25.109, 50.87; Собрание фонда «Фурусийя», Вадуц, инв. № R-806, R-832, R-804, R-805). См. также: [Alexander, 1992. P. 68–71, cat. no. 27–28; Alexander, 2015. P. 69–89, cat. no. 22–30; The Arts of the Muslim Knight, 2008. P. 322–325, cat. nos. 309–312].

26 Музей Метрополитен, Нью-Йорк, инв. № 04.3.211.

27 Музей Метрополитен, Нью-Йорк, инв. № 36.25.106.

28 Музей Метрополитен, Нью-Йорк, инв. № 36.25.107.

29 Например, предметы из собрания Британского музея – изникское блюдо XVI в. (инв. № G.138) и изразец, предположительно, созданный в Изнике в XVII–XVIII вв. (инв. № 1895,0603.128).

30 Музей Метрополитен, Нью-Йорк, инв. № 32.75.248a.

31 Примеры использования таких мотивов можно видеть на центральном медальоне ковра, датируемого периодом около 1550 г. (Музей Метрополитен, Нью-Йорк, инв. № 1971.263.2), а также на конском шанфроне (Музей Метрополитен, Нью-Йорк, инв. № 32.75.248a).

32 Музей Метрополитен, Нью-Йорк, инв. № 14.25.334.

33 Музей армии, Париж, инв. № H.452.



ил. 7. Нагрудник чалдара. Турция, XVII в. Серебро, железо, шелк, крашенина, бархат; наводка, резьба, чеканка, золочение, серебрение, ткачество, плетение. Музеи Московского Кремля

fig. 7. Chest piece for chaldar (horse cloth/armour). Turkey, 17th century. Silver, iron, silk, dyed homespun canvas, velvet; brown varnish, carving, chasing, gilding, silvering, weaving, braiding. Moscow Kremlin Museums

аналогией в этом контексте оказывается чалдар из собрания Музеев Московского Кремля³⁴ [ил. 7], согласно атрибуции в музейном инвентаре созданный в Турции в XVII в. Украшающий его гравированный орнамент с флоральными мотивами отличается по своим элементам от орнамента на шлемах с масками, однако близок к нему грубой, размашистой манерой исполнения. Другим близким аналогом по уровню исполнения является упоминавшийся в историографическом обзоре шлем из Музея Метрополитен, который Дэвид Александер

ил. 8. Шлем. Россия (?), XVI в. Железо; ковка, гравировка, канфарение. Музеи Московского Кремля. Возможная атрибуция – Турция (?), XVI в.

fig. 8. Helmet. Russia (?), 16th century; forging, engraving, flat chasing. Moscow Kremlin Museums. Possible attribution – Turkey (?), 16th century



сопоставляет с кремлевскими памятниками³⁵. Следует упомянуть и еще один шлем из кремлевского собрания³⁶ [ил. 8]. В настоящее время в соответствии с Описью Московской Оружейной палаты 1884–1893 гг. [Опись Московской Оружейной палаты, 1884. С. 14] он атрибутирован как созданный в России в XVI в. Однако шлем явно имеет восточное происхождение и покрыт гравированным орнаментом с арабесками по канфаренному фону, как и на турецком шанфроне из собрания Музея Метрополитен.

В отсутствие документальных свидетельств и прямых аналогий с подтвержденным происхождением, любые атрибуции являются сугубо гипотетическими. В то же время, именно тщательное изучение декора в сочетании с уже проведенным исследователями анализом конструктивных и технологических особенностей шлемов могут предоставить данные для уточнения атрибуции – даже если речь идет о широких хронологических рамках и значительном географическом ареале. Очевидно, что флоральные мотивы и орнаментальные формы, присутствующие в декоре рассмотренных памятников, в целом характерны для искусства Османской империи и сефевидского Ирана XV–XVII вв. Однако их специфическая трактовка и форма наверший шлемов, как и антропологические черты масок, как представляется, позволяют связать шлемы с масками из собрания Оружейной палаты с достаточно обширной территорией Западного Ирана и Восточной Анатолии, на которой в XV–XVI вв. существовали тюркские племенные объединения. Примитивность декора также может быть свидетельством того, что гравировку выполнил провинциальный мастер, далекий от столичных мастерских. Не противоречат подобной гипотезе и атрибуции

34 Музеи Московского Кремля, инв. № К–671.

35 Музей Метрополитен, Нью-Йорк, инв. № 36.25.115.

36 Музеи Московского Кремля, инв. № ОР–2050.

более ранних археологических памятников как связанных с тюрками-кочевниками. Очевидно также сходство масок из собрания Музеев Московского Кремля с масками из собраний Нассера Халили и Музея исламского искусства в Дохе – даже если эти произведения являются подделками, в этом случае они были выполнены по аналогии с экспонатами Оружейной палаты. Предложенные результаты стилистического и типологического анализа шлемов с масками из собрания Оружейной палаты являются предварительными и обозначают возможные векторы для дальнейшего исследования этих уникальных памятников. Привлечение более широкого круга аналогий может как подтвердить, так и скорректировать высказанные гипотезы.

ЛИТЕРАТУРА

- Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. М.: Типография Н. Степанова, 1844. 171, [1], 74, VIII с.
- Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории нашей Родины (материалы юбилейной научной конференции). М.: Изд-во Московского университета, 1983. С. 244–269.
- Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.
- Государева Оружейная палата / Авт. вст. ст. И.А. Комаров. СПб.: «Атлант», 2002. 408 с.
- Кирпичников А.Н. Русские шлемы X–XIII вв. // Советская археология. 1958, № 4. С. 48–69.
- Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Выпуск третий. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII веков. Л.: «Наука», 1971. 92 с.
- Кулешов Ю.А., Орленко С.П., Анисимова М.А. Позднеисламские маски-забрала из собрания Музеев Московского Кремля и коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Оружейное собрание Музеев Московского Кремля. Памятники, история, проблемы изучения / Отв. ред. А.Л. Баталов. М., 2018 (Материалы и исследования / Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник „Московский Кремль“»). Вып. 28). С. 214–236.
- Кулешов Ю.А. Уникальный позднесредневековый шлем с Юга России // Военная археология. Сборник материалов научного семинара. М.: ИА РАН, 2018. Вып. 4. С. 183–201.
- Опись Московской Оружейной палаты. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1884. Ч. 3, кн. 2. 312, X с.
- Пятышева Н.В. Восточные шлемы с масками в Оружейной палате московского Кремля // Советская археология, № 3. М.: Изд-во «Наука», 1968. С. 227–232.
- Чубинский А.Н. Предметы Оружейной палаты, утраченные в XVII–XIX веках. Утраты мнимые и действительные // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы VII-й международной научно-практической конференции. СПб., 2016. Ч. 5. С. 342–358.
- Allan J.W. Metalwork Treasures from the Islamic Courts. London: Qatar Museums, Museum of Islamic Art and The Islamic Art Society, 2002. 101 p.

Alexander D.G. The Arts of War. Arms and Armour of the 7th to 19th centuries. Khalili Collections, 1992. 240 p.

Alexander D.G. Les masques de guerre // Chevaux et cavaliers arabes dans les arts d’Orient et d’Occident. Paris: GALLIMARD, 2002. P. 100–101.

Alexander D.G. Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2015. 336 p.

Arcydziała sztuki perskiej ze zbiorów polskich: Exhibition catalogue / Ed. T. Majda. Warszawa: Muzeum Narodowe w Warszawie, 2002. 133 p.

Khalili N.D. Visions of Splendour in Islamic Art and Culture. London: Worth Press, 2008. 186 p.

Lentz T.W., Lowry G.D. Timur and the Princely Vision. Persian Art and Culture in the Fifteenth Century. Los Angeles: Los Angeles County Museum of Art, 1989. 400 p.

Lenz, von E. In Russland gefundene Fruhmittelalterliche Helme // I Beiheft der Zeitschrift für Historische Waffen und Kostumkunde. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co., 1924. 19 p.

Rogers J.M. Empire of the Sultans: Ottoman Art from the Khalili Collection. Art Services International, 2000. 304 p.

Soliman le Magnifique: Catalogue de l’exposition. Paris: Ministère des affaires étrangères, 1990. 338 p.

The Arts of the Muslim Knight: The Furusiyya Art Foundation Collection / Concept and direction by Bashir Mohamed. Milano: Skira, 2008. 416 p.

Turks: a Journey of a Thousand Years, 600-1600 (Exhibition) / Ed. D.J. Roxburg. London: Royal Academy Publications, 2005. 494 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Панфилов Федор Михайлович – кандидат исторических наук, заведующий сектором зарубежного искусства, Музеи Московского Кремля, Кремль, Москва, Российская Федерация, 103132. panfilov.kremlin@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена уточнению атрибуции и анализу декора редких памятников из собрания Оружейной палаты Московского Кремля – восточных шлемов с боевыми масками. Впервые дается подробный обзор историографии. Автором проанализированы в совокупности известные изображения боевых масок на миниатюрах XIII–XV вв. Отмечая отсутствие прямых аналогий, кроме ряда масок спорного происхождения, автор считает возможным выделить обширный круг памятников XV–XVI вв. – предметов защитного вооружения, выполненных из стали и украшенных флоральным орнаментом. Существующие атрибуции связывают большинство из них с регионом Западного Ирана и Восточной Анатолии. Навершие одного из шлемов обнаруживает типологическую близость с навершиями туркоманских шлемов из этого региона. Анализ декора на шлемах и масках обнаруживает параллели с орнаментальными мотивами, в целом характерными для исламского искусства. Указанные особенности, крайняя примитивность декора и специфический антропологический тип масок позволяют предположить, что они связаны с традициями упомянутого региона, населенного в этот период тюркоязычными кочевыми племенами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Музеи Московского Кремля, Оружейная палата, боевые маски, шлемы с боевыми масками, исламское искусство, монголы, Тимуриды, Османская империя, Сефевиды, туркоманы, XV век, XVI век.

TITLE

Helmets with Masks from the Armory Chamber of the Moscow Kremlin: Problems of Attribution and Possibilities of Stylistic Analysis

AUTHOR

Panfilov Fedor Mikhailovitch – researcher, head of department, Moscow Kremlin Museums, Kremlin, 103132 Moscow, Russian Federation. panfilov.kremlin@yandex.ru

ABSTRACT

The article aims to clarify attribution and analyze the decor of rare objects from the collection of the Armory Chamber of the Moscow Kremlin – oriental helmets with war masks. For the first time, a detailed review of historiography is provided. The author includes brief overview of the well-known images of combat masks on miniatures of the 13th–15th centuries. Noting the absence of direct analogies, except for a number of masks of disputed origin, the author considers it possible to consider a wide selection of objects of the 15th–16th centuries – armor pieces made of steel and decorated with floral designs. Current attributions connect most of them with the region of Western Iran and Eastern Anatolia. The pommel of one of the helmets reveals typological similarity with the pommel of Turkoman helmets from this region. The analysis of the decoration on helmets and masks reveals parallels with ornamental motifs that are generally characteristic of Islamic art. These features, the extreme primitiveness of the decor, and the specific anthropological type of masks suggest that they might be tentatively associated with the traditions of the mentioned region, inhabited in this period by Turkic nomadic tribes.

KEYWORDS

Moscow Kremlin Museums, Armoury Chamber, war masks, helmets with war masks, Islamic art, Mongol, Timurids, Ottoman empire, Safavids, Turkoman, 15th century, 16th century.

REFERENCES

- Allan J.W. *Metalwork Treasures from the Islamic Courts*. London, Qatar Museums, Museum of Islamic Art and The Islamic Art Society, 2002. 101 p.
- Alexander D.G. *The Arts of War. Arms and Armour of the 7th to 19th centuries*. Khalili Collections, 1992. 240 p.
- Alexander D.G. Les masques de guerre. *Chevaux et cavaliers arabes dans les arts d'Orient et d'Occident*. Paris, GALLIMARD, 2002, pp.100–101 (in French).
- Alexander D.G. *Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2015. 336 p.
- Chubinskij A.N. Items of the Armory, Lost in the 17th–19th Centuries. Imaginary and Real Losses. *Vojna i oruzhie. Novy'e issledovaniya i materialy. Materialy VII-j mezhdunarodnoj nauchnoprakticheskoy konferencii (War and Weapons. New Research and Materials. Materials of the 7th International Scientific and Practical Conference)*. Saint-Petersburg, 2016, part 5, pp. 341–358 (in Russian).
- Gorelik M.V. Mongol-Tatar Defensive Weapons of the Second Half of the 14th – Early 15th Centuries. *Kulikovskaya bitva v istorii nashej Rodiny (materialy yubilejnoj nauchnoj konferencii) (Battle of Kulikovo in the History of Our Motherland (Materials of the Anniversary Scientific Conference))*. Moscow, Izd.-vo Moskovskogo universiteta Publ., 1983. pp. 244–269 (in Russian).

Gorelik M.V. *Armii mongolo-tatar. X–XIV vv. Voinskoe iskusstvo, oruzhie, snarjazhenie (Armies of the Mongol-Tatars of the 10th–14th Centuries. Martial Arts, Weapons, Equipment)*. Moscow, Vostochnyj gorizont Publ., 2002. 84 p. (in Russian).

Khalili N.D. *Visions of Splendour in Islamic Art and Culture*. London: Worth Press, 2008. 186 p.

Kirpichnikov A.N. Russian Helmets of 10th–13th Centuries. *Sovetskaya arxeologiya (Soviet archeology)*. Moscow, 1958, vol. 4, pp. 48–69 (in Russian).

Kirpichnikov A.N. *Drevnerusskoe oruzhie. Vy'pusk tretij. Dospex, kompleks boevy'x sredstv IX–XIII vekov (Old Russian weapon. Volume 3. Armor, Complex Combat Equipment of 9th–13th Centuries)*. Leningrad, «Nauka» Publ., 1971. 92 p. (in Russian).

Komarov I.A. *Gosudareva Oruzhejnaya palata (Sovereign's Armoury Chamber)*. Saint-Petersburg, «Atlant» Publ., 2002. 408 p.

Kuleshov Yu.A., Orlenko S.P., Anisimova M.A. Late Islamic Visor Masks from the Collection of the Moscow Kremlin Museums and the Collection of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering and Signal Corps. *Oruzhejnoe sobranie Muzeev Moskovskogo Kremlya. Pamjatniki, istorija, problemy izuchenija (Armory Collection of the Moscow Kremlin Museums. Monuments, History, Problems of Study)*. Moscow, 2018 (*Materials and Studies / Federal'noe gosudarstvennoe bjudzhetnoe uchrezhdenie kul'tury «Gosudarstvennyj i storiko-kul'turnyj j muzej-zapovednik „Moskovskij Kreml'“*). No. 28), pp. 214–236 (in Russian).

Kuleshov Yu.A. Unique Late Medieval Helmet from the South of Russia. *Voennaya arxeologiya. Sbornik materialov nauchnogo seminara (Military Archeology. Collection of Materials of the Scientific Seminar)*. Moscow: IA RAN Publ., 2018, vol. 4, pp. 183–201 (in Russian).

Lenz, von E. In Russland gefundene Fruhmittelalterliche Helme. *I Beiheft der Zeitschrift fur Historische Waffen und Kostumkunde*. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter & Co., 1924. 19 p. (in German).

Lentz T.W., Lowry G.D. *Timur and the Princely Vision. Persian Art and Culture in the Fifteenth Century*. Los Angeles: Los Angeles County Museum of Art, 1989. 400 p.

Majda T. (ed.). *Arcydziała sztuki perskiej ze zbiorów polskich (Masterpieces of Persian Art from Polish Collections)*: Exhibition catalogue. Warszawa: Muzeum Narodowe w Warszawie, 2002. 133 p. (in Polish).

Opis' Moskovskoj Oruzhejnoj palaty (*The Inventory of the Moscow Armoury Chamber*). Moscow: Tipografija Obshestva rasprostraneniya poleznyh knig. Publ., 1884. Vol 3, book 2. 312, X p. (in Russian).

Pyaty'sheva N.V. Oriental Helmets with Masks in the Armory of the Moscow Kremlin. *Sovetskaya arxeologiya (Soviet Archeology)*. Moscow: Izd.-vo «Nauka» Publ., 1968, vol. 3, pp. 227–232 (in Russian).

Rogers J.M. *Empire of the Sultans: Ottoman Art from the Khalili Collection*. Art Services International, 2000. 304 p.

Roxburg D.J. (ed.). *Turks: a Journey of a Thousand Years, 600–1600 (Exhibition)*. London: Royal Academy Publications, 2005. 494 p.

Soliman le Magnifique: *Catalogue de l'exposition*. Paris: Ministère des affaires étrangères, 1990. 338 p. (in French).

The Arts of the Muslim Knight: The Furusiyya Art Foundation Collection. Milano, Skira, 2008. 416 p.

Veltman A.F. *Moskovskaya Oruzhejnaya palata (The Moscow Armoury Chamber)*. Moscow: Tipografija N. Stepanova Publ., 1844. 171, [1], 74, VIII p. (in Russian).